

ВАСИЛЬЕВ С. Ф.

КТО ТАКОЙ КАРЛ ПОППЕР? (К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ К.
ПОППЕРА И ДИАЛЕКТИКИ)

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, кафедра философии

В статье предпринимается попытка последовательной критики взглядов К. Поппера на диалектику. Показано, что сам К. Поппер, в противоречии со своими утверждениями, в некоторых случаях сам использует диалектический способ мышления.

Настоящая правда всегда неправдоподобна.

Ф. М. Достоевский

Как известно, Карл Поппер посвятил критике диалектики свою знаменитую работу «Что такое диалектика?» Попробуем от имени диалектики дать ответ на эту критику. В своей работе К. Поппер анализирует, в основном, гегелевскую и марксистскую версии диалектики. Следует признать, что ему удалось подметить некоторые реальные недостатки указанных диалектических течений. Так, он отмечает расплывчатость и неопределенность некоторых выражений диалектиков, насилие над фактами с целью оправдать свои теоретические утверждения, произвольность и сомнительность многих примеров из жизни и науки, использующихся материалистическими диалектиками для иллюстрации законов диалектики. Верно отмечая «железобетонный догматизм» многих представителей «диалектического материализма», он связывает его с самой сущностью диалектики. Представляется, что в этом сама диалектика «не виновата», догматизм скорее объясняется идеологическими причинами, чем теоретическими, содержательными.

К. Поппер сводит диалектику к гегелевскому и марксистскому вариантам, в конечном счёте, она у него выступает как познавательное движение от тезиса к антитезису, и от него к синтезу. Это слишком узкое толкование диалектики, что отмечал М. Корнфорт. (18, 91) Поппер заранее склонен относить диалектику только к *описанию истории* процесса познания какого-либо предмета. При таком подходе, конечно, выглядит более реалистично толкование процесса познания как осуществление метода проб и ошибок, поскольку последний лучше отражает многообразие возможных траекторий познания. Соглашаясь с тем, что триада хорошо описывает историю философских и социальных идей и движений, с тем, что в развитии физики также можно наблюдать примеры триады, К. Поппер, тем не менее, резонно замечает, что борьба теорий не обязательно закан-

чивается их синтезом, что может быть сразу несколько тезисов и т.д. Получается, что схема «тезис-антитезис-синтез» не всегда адекватна действительному ходу познания. Однако следует учесть, что у Гегеля, по крайней мере, в «Науке логики» мы имеем дело не с *историей* познания, а с движением *абсолютного знания*. Это *необходимый* процесс, который Гегель прослеживает и в истории философии, хотя там дело осложняется различными историческими случайностями и отклонениями. То есть главное для гегелевской диалектики – не то, как фактически происходил процесс познания, а то, что в этом процессе правильного, необходимого, соответствующего истине. Вот это правильное, истинное движение категорий или движение в истине и есть *логика* познания, в отличие от истории. Логика показывает, как *должно* происходить познание. Но сущее, как известно, не всегда совпадает с должным. Не случайно Гегель проводит различие между просто существующим и действительным.

К. Поппер выступает против идеалистического представления, что тезис сам создает своё отрицание и, в конечном счёте, образует с ним синтез. Он считает, что данную процедуру осуществляет человек. Для Гегеля же триада есть *объективный процесс*, который *не создается* субъектом. Субъект может только подключиться к истинному знанию, тогда его мысль будет идти в русле сущностного развития предмета. Само содержание понятий не инертно. Оно обладает каким-то самодвижением. Гегель открыл это внутреннее самодвижение категорий: «Диалектика же есть, напротив, *имманентный* переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения рассудка односторонни и ограничены, то есть содержат отрицание самих себя». (11, 206) Метод у Гегеля – необходимое развёртывание содержания: «Метод, таким образом, есть не внешняя форма, а душа и понятие содержания, от которого он отличается лишь постольку, поскольку моменты *понятия* также и *в себе самих* приходят в своей определённости к тому, чтобы обнаружиться как тотальность понятия». (11, 423)

Конечно, самодвижение понятия выглядит очень идеалистически. Тем не менее, можно утверждать, что продукты человеческого духовного творчества обладают собственной внутренней объективной логикой. Да и сама наука не чужда этого. М. Полани пишет о том, что в наших мыслях заложено значительно больше того, что мы можем сознательно контролировать. «Странность наших мыслей в действительности гораздо глубже, чем мы знаем, а их основной смысл раскрывается позднее, другими мыслителями... Так, Коперник отчасти предвосхитил открытия Кеплера и Ньютона, поскольку рациональность его системы была близка к реальности, не раскрывшейся перед его глазами полностью. Сходным образом Джон Дальтон (а задолго до него многочисленные предшественники его атомной теории) усмотрел и описал туманные контуры той реальности, которую современная ядерная физика раскрыла и детализировала отчётливо. Мы

знаем также, что математические концепции часто обнаруживают свой глубочайший смысл лишь для последующих поколений, когда выявляются такие следствия этих концепций или такие их обобщения, о каких раньше и не подозревали... Такого рода выдающиеся интеллектуальные достижения демонстрируют те силы, которые, как я доказывал выше, в той или иной мере свойственны всем нашим концепциям и которые заключаются в их способности приобретать смысл в новых ситуациях, выходящих за рамки отчётливо выраженных ожиданий». (26, 153) Поппер мог бы понять самодвижение, внутреннюю жизнь понятий, если бы использовал собственную теорию «третьего мира». Поскольку «третий мир» есть особая реальность по отношению к субъективности, то нет ничего удивительного, что в элементах этого мира есть и какое-то собственное движение, какая-то собственная логика.

К. Поппер обрушивается на Гегеля, упрекая его в том, что тот рассматривает синтез как конструкцию тезиса и антитезиса. Здесь К. Поппер просто ломится в открытую дверь, ибо как раз Гегель подчеркивает, что синтез, как абсолютное отрицание, есть целостность, которая стоит выше тезиса и антитезиса.

Особенные недоразумения и невнятицу К. Поппер усматривает в учении диалектики о противоречиях. Сам он выделяет три вида противоречий. Это противоречия внутри данной теории, противоречие между теориями и противоречия между теорией и фактами. Как видим, Поппер имеет в виду *познавательные* противоречия, сводимые, в конечном счёте, к формально-логическим противоречиям суждений. Он справедливо отмечает, что научная критика связана с выявлением и устранением логических противоречий. Диалектика же, по его мнению, считает, что противоречия неизбежны, и с ними нужно мириться. Догматизм диалектики, по мысли К. Поппера, связан с тем, что она признает реальное существование противоречий, что делает бессмысленной всякую критику, ибо последняя как раз и ориентируется на выявление и устранение противоречий.

Однако следует отметить, что сам Поппер с его фальсификационизмом признает, что противоречия неизбежны в ходе научного познания, что, строго говоря, непротиворечивых теорий не бывает. Мы условно принимаем данную теорию, пока не обнаружится её противоречие с фактами.

Что же касается Гегеля, то он отнюдь не настаивал на сохранении и культивировании противоречий. Он стремился к их разрешению. В «Энциклопедии философских наук» он так поясняет своё понимание противоречия: «Всё где-либо существующее есть некое конкретное и, следовательно, некое в самом себе различное и противоположное. Конечность вещей и состоит в том, что их непосредственное наличное бытие не соответствует тому, что они суть в себе. Так, например, в неорганической природе кислота есть в себе вместе с тем и основание, т. е. её бытие состоит лишь в её отнесённости с другим.

Но это же означает, что кислота не есть нечто спокойно пребывающее в противоположности, а стремится к тому, чтобы положить себя как то, что она есть в себе. Противоречие – вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить. Правильно в этом утверждении лишь то, что противоречием дело не может закончиться и что оно (противоречие) снимает себя само через себя». (11, 279-280)

Для доказательства того, что из двух противоречащих друг другу высказываний можно вывести какое угодно высказывание, К. Поппер прибегает к аппарату символической логики. Д. Кропотков показал, что доказательство Поппера сомнительно, хотя и согласен с его выводом. (19) Сам Поппер считает возможным создание такой логики, где из двух противоречащих друг другу высказываний не следовало бы какое угодно высказывание. Но эта логика, по его мнению, была бы слабой. Тем не менее, в настоящее время в логике активно развиваются паранепротиворечивые логики. (16) Одним из пионеров этого подхода был русский логик Н. И. Васильев. (5)

К. Поппер обвиняет диалектику в нагромождении логических противоречий, которых в самой действительности не существует. Тем не менее, следует отметить, что логическое и диалектическое противоречие для диалектиков – не одно и то же. Об этом писал ещё Ф. Энгельс. «Однако ясно, что при отрицании отрицания, сводящемуся к ребяческому занятию – попеременно ставить *a* и затем вычеркивать его, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что, она не есть роза, - не получится и не обнаружится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру». (36, 141-142) Кроме того, диалектическое противоречие, по мысли Гегеля и марксистов, должно разрешаться. Так что диалектика нисколько не успокаивается на простой фиксации противоречий.

И. А. Ильин в связи с трактовкой диалектических противоречий как логических у Гегеля отмечал: «Гегель считает логическое *«противоречие»* философски необходимым состоянием *всякого* понятия; и всякое такое «противоречие» он считает, по существу, поддающимся примирению. На этом строится вся диалектика, и вне этого она оказалась бы невозможной. Между тем, то противоречие, о котором говорит *формальная логика*, всегда было и всегда останется философски *недопустимым* и по существу *не поддающимся примирению*... Логическое противоречие, если оно имеется налицо, не может быть ни примирено, ни устранено, ни «снято» ничем (в пределах чистого мышления). Безусловно несовместимое не может быть никак совмещено. Если же две какие-нибудь стороны *могут* быть совмещены, то это значит, что между ними *нет* безусловной несовместимости. (17, 121 - 122) И, далее, он делает вывод: «Внимательный анализ диалектического противоречия убеждает в том, что оно действительно чуждо истинной кон-

традикторности»... *наличие общего родового источника и отсутствие логического отрицания* характеризует всю диалектику». (17, 124)

Интересно, что сам К. Поппер признает, что диалектики используют понятие противоречие в несколько ином, чем он, не в формально-логическом смысле: «Они также любят употреблять термин «противоречие» там, где менее обманчивыми были бы термины «конфликт», «противоположная тенденция» или, может быть, «противоположный интерес»». (29, 530) Иными словами, К. Поппер упрекает диалектиков за то, что они используют понятие «противоречие» не в привычном для самого К. Поппера формально-логическом смысле. Тем не менее, когда он аргументирует против признания действительности противоречий, он берёт это понятие именно в логическом смысле. Тем самым он вкладывает в суждения диалектиков смысл, который чужд им самим. Этот прием называется «подмена понятия». Вместо того чтобы попытаться понять, что общего есть у полярности, противоположной тенденции, конфликта и т. п. с противоречием, почему и диалектики используют при характеристике таких явлений слово «противоречие», К. Поппер просто фиксирует несовпадение диалектики и формальной логики и отказывается понимать оппонента.

Понимание противоречия как чего-то объективного характерно не только для сторонников диалектики. М. Вольф отмечает: «В обычной философски неотрефлексированной речи со словами «противоречить» и «противоречие» связывают также и мысль об объективности противоречия. По крайней мере с середины 18 столетия эта мысль встречается у таких авторов, как Д. Дидро, Вольтер, Г. Лессинг, Г. Форстер и Вецель, - причём вне философско-логического контекста». (6, 148)

Вообще К. Поппер как бы не видит особой сферы, которой занимается диалектика – сферы противоположностей. Еще М. Корнфорт, видный критик К. Поппера, правильно отмечал, что диалектику интересуют именно *связи* противоположностей. (18, 97, 146) Согласно М. Корнфорту, диалектика Гегеля выросла на основе исследования категориальных противоположностей, взятых как таковые, в чистом виде: «противоречие – это ни высказывание, ни действие, ни отношение высказываний и ни отношение между высказываниями и определениями вещей. Оно, напротив, - в гегелевской терминологии, ещё требующей разъяснения, - есть отношение между определенностями»(Bestimmungen) и определениями»(Bestimmtheiten) предмета». (18, 150)

Поппер заявляет, что у диалектики нет ничего общего с дедукцией, и, поэтому, она не может считаться логикой. По Гегелю же последовательность членов триады – *необходимый* закономерный процесс развития категорий, *взятых в чистом виде*, от несовершенной формы их существования к адекватной, истинной форме. Здесь есть своя логика и своя дедукция, вопреки утверждениям К. Поппера. Именно на подобной дедукции

основано также знаменитое пророчество К. Маркса о неизбежной гибели капиталистического способа производства, которое упоминает и сам К. Поппер. Начало подобной дедукции можно найти уже у И. Г. Фихте, а, по мнению А. Ф. Лосева, и у Платона. А. Ф. Лосев пишет: «Диалектика же есть смысловой генезис именно категорий, понятий, законченных цельностей, имён». (22, 481) «Самая структура диалектики такова, что она не может помыслить решительно никакого эйдоса *без того, чтобы тут же не указать его антиномико-синтетического происхождения*, и не только она не может существовать без этого, но это-то самое *антиномико-синтетическое происхождение и есть диалектика*. (22, 485) Если логика есть дедукция, то диалектика как дедукция категорий есть логика. И даже логика в высшем смысле, ибо она дедуцирует сами основные понятия мышления – категории.

Справедливым можно считать обвинения Поппера в адрес примеров, приводимых диалектиками для иллюстрации законов диалектики. Туманность смысла основных понятий диалектики позволяет довольно произвольно обращаться с фактическим материалом. Поппера не устраивает расплывчатая, метафорическая манера говорить, присущая многим диалектикам. Но здесь возможны два исхода. Либо мы, на основании указанных недостатков, вообще отвергаем диалектику, либо же можно попробовать уточнить смысл основных диалектических понятий и создать диалектику как строгую науку.

Во втором разделе своей работы К. Поппер пытается более детально проанализировать диалектику Гегеля. К. Поппер противопоставляет Гегелю Канта, как более разумного мыслителя. Однако именно, И. Кант, согласно тому же Гегелю, создал предпосылки для возникновения диалектики. Гегель так комментирует открытие И. Кантом антиномий чистого разума: «тем самым здесь говорится, что само содержание, а именно категории, взятые для себя, приводят к противоречию. Эта мысль, что то противоречие, которое определения рассудка полагают в разумном, существенно и необходимо, должна рассматриваться как один из важнейших и значительнейших успехов философии нового времени». (11, 166) Однако Гегель добавляет, что хотя «обнаружение антиномий должно рассматриваться как очень важный успех философского познания, поскольку этим был устранён застывший догматизм рассудочной метафизики и обращено внимание на диалектическое движение мышления, мы всё же должны при этом заметить, что Кант также и здесь остановился только на отрицательном результате, на непознаваемости вещей в себе, а не проник до познания истинного и положительного значения антиномий. Истинное же и положительное значение антиномий заключается вообще в том, что всё действительное содержит в себе противоположные определения и что, следовательно, познание и, точнее, постижение предмета в понятиях как раз и означает познание его как конкретного единства противоположностей». (11, 167)

К. С. Бакрадзе, детально исследовавший взаимоотношения кантовской философии и идеалистической диалектики в немецкой классической философии, пришёл к выводу, что у Канта уже можно найти некоторые моменты диалектического метода. В трансцендентальной философии уже указан в зародыше основной путь диалектического развития: от условия к обусловленному и синтез их *в понятии*. В ней утверждается, что закон тождества и противоречия имеют силу лишь в сфере аналитического и абстрактного, реальное основание отличается от формально-логического. Реальные, действительные отношения стоят вне сферы формально-логического, в частности, они не подчиняются закону противоречия. Наряду с формально-логическим, абстрактным противопоставлением (вида «А» – «не А») открыт новый вид противопоставления – реальное противоречие, имеющее форму отношения «А» – «В». Вся действительность сведена Кантом к действию положительных и отрицательных сил. Высказана мысль о взаимосвязи всех явлений и вещей. Наличествует у Канта и учение о синтезе. Синтез объединяет отличные друг от друга моменты, которые различаются друг от друга не «вообще», а представляют «свое иное» друг друга; эти моменты суть моменты одного предмета и, дополняя друг друга, образуют предмет. Для синтеза отличающихся друг от друга моментов должно существовать нечто третье, в котором и благодаря которому впервые возможен этот синтез. В философии Канта уже дано определенное содержание, соответствующее понятию «für sich». Априорное деление понятия в трансцендентальной философии всегда имеет форму триплицитета, первое положение является тезисом, второе – антитезисом и третье – синтезом. (3)

К. С. Бакрадзе отмечает: «Очевидна целостность развития немецкого идеализма. В этой целостности постепенно сформировался диалектический метод. Прекрасной иллюстрацией диалектического метода является его же развитие, связь между системами немецкого идеализма. Эта связь не только логическая, не только такая, какой представляют нам ее историки философии при характеристике, например, отношения между Декартом и Спинозой, Локком и Юмом, а диалектическая: все движение представляет собой одно направление, в котором различные моменты образуют одну целостность, где начало (Кант) уже *implicite* содержит результат (Гегель), а в результате видны и сохранены как начало, так и весь путь от начала до результата. Развитие диалектического метода в немецком идеализме, как и всякое развитие, само имеет диалектический характер». (3) Так что Гегель «вышел», во многом, из Канта, и звать Канта на помощь в борьбе с Гегелем несколько нелогично.

К. Поппер приписывает Гегелю стремление отбросить закон противоречия. Однако, на самом деле, Гегель, может быть, вопреки собственным полемическим высказываниям в адрес этого закона, постоянно им пользовался. Более того, полемика с оппонен-

тами Гегеля, да и само логическое развитие категорий в «Науке логики» невозможно без опоры на этот закон. Диалектика не отрицает необходимости борьбы с логическими противоречиями, поскольку сама она находится в контраверзе, в противоречии с метафизикой. Она считает метафизику ложной теорией. И это противоречие должно быть разрешено путём устранения одной из теорий. Здесь К. Поппер явно преувеличивает.

Поппер говорит о «железобетонном догматизме» диалектики, игнорирующей логические противоречия. Здесь ему на помощь может прийти Вл. Соловьёв, считавший, что система абсолютного рационализма Гегеля не допускает дальнейшего развития: «Ибо в том и сущность Гегелева принципа, что он заведомо заключает своё отрицание внутри самого себя, и потому в этой системе, отвергнувшей закон противоречия, невозможно указать никакое внутреннее противоречие, побуждающее к дальнейшему развитию системы, так как всякое противоречие в её сфере ею же самою полагается как логическая необходимость и опять же снимается в высшем единстве конкретного понятия; потому это есть абсолютно-совершенная, в себе замкнутая система...» (31, 34) Однако, ещё Л. Фейербах показал, что система Гегеля не разрешила противоречие между мышлением и бытием и потому является лишь исторической, а не абсолютной системой философии. (32, 53 – 96). Разрешить *все* противоречия не может, по-видимому, ни одна философия.

Поппер признает только наличие противоречий между суждениями и отрицает наличие противоречий между фактами или внутри фактов. Он утверждает, что все так называемые противоречивые факты показывают на деле такую структуру, которую называют полярностью. (29, 542) В «Науке логике» полярность определяется Гегелем таким образом: «полярность есть определение такого различия, в котором различаемые моменты неразрывно связаны друг с другом». (9, 83). Шеллинг даже считал закон полярности всеобщим законом мироздания. (35, 119) Таким образом, полярность означает необходимую внутреннюю связь противоположностей. Но эта связь К. Поппера не интересует. Согласно же Гегелю в полярность близка к диалектическому противоречию, но не «дорастает» до него: «мысль о полярности является не чем иным, как определением соотношения необходимости между двумя различными, которые являются единым, поскольку с полаганием одного непременно оказывается положенным также и другое. Эта полярность ограничивается лишь противоположностью, но посредством противоположности полагается как единство также и возвращение из противоположности, и это есть третье. В этом состоит тот плюс, который заключает в себе необходимость понятия по сравнению с полярностью». (12, 32)

М. Корнфорт отмечал, что сведение диалектических противоречий только к полярностям слишком узко. Есть, например, как утверждают марксисты, противоречие

между общественным характером труда и частной формой его присвоения, которое нельзя трактовать как полярность. (18, 150). И диалектика, по его мнению, утверждает, что не просто иногда встречаются случаи полярности, но, что полярность *необходимо* должна встречаться при исследовании самых различных объектов. (18, 151)

Поппер утверждает, что противоречие факта должно выражаться в виде логически противоречивого высказывания: «Только склонностью к метафорам и неопределенности можно объяснить, скажем, утверждение, что положительное и отрицательное электричество противоречат друг другу. Примером настоящего противоречия могли бы послужить два предложения: «данное тело 1 ноября 1938 г. от 9 до 10 часов утра имело положительный заряд» и аналогичное предложение о том же теле, которое в тот же отрезок времени не имело положительного заряда. Эти два предложения действительно противоречат друг другу; соответственно, противоречивым был бы и тот факт, что некое тело, как целое, в одно и то же время заряжено и положительно, и неположительно, а значит, в одно и то же время и притягивает, и не притягивает тела с отрицательным зарядом. Однако излишне говорить, что подобные противоречивые факты не существуют». (29, 542)

Но если разные факты, касающиеся одного и того же объекта свидетельствуют о принципиально разной, противоположной сущности этого предмета, то будет ли это противоречием? Возьмём хрестоматийный пример со светом. В одних условиях свет ведёт себя как частица, а в других, как волна. Что же он такое на самом деле? Физики отвечают на это при помощи принципа дополнительности. Сам К. Поппер признает, что новая теория света сохранила в себе корпускулярную и волновую теории, то есть представляет собой некий их синтез.(29, 519) И хотя Поппер объявляет принцип дополнительности бесплодным, но что он предлагает взамен? Любая удовлетворительная теория должна будет так или иначе синтезировать (т. е. объединить) противоположности. Но разве ситуация с антиномиями Канта не аналогична корпускулярно-волновому дуализму? Ведь антиномия тем интересна, что и тезис, и антитезис могут быть доказаны, и, поэтому, не могут быть отброшены. Гегель не выдумал эту ситуацию. Он предложил свой способ выхода из неё. Если К. Поппера не устраивает решение Гегеля, то пусть он предложит лучшее. Но в любом случае это лучшее будет соединять противоположности, то есть будет диалектическим.

Как же должно выглядеть противоречие в фактах? Факт означает чувственно данное, единичное. Принцип дополнительности утверждает, что вещь противоположным образом ведёт себя в разных ситуациях. Сам принцип дополнительности указывает, что есть противоречие фактов. Согласно некоторым фактам, свет – это частица, согласно другим фактам – свет – это волна. В одних случаях свет ведёт себя как частица, а в дру-

гих - как волна. Это не то противоречие, о котором говорит Поппер, не формально-логическое противоречие. Однако всё же это противоречие. Оно возникает, когда мы ставим вопрос о сущности предмета.

Ведь быть волной и быть частицей означает иметь прямо противоположные, взаимно исключающие свойства. Пускай эти свойства разведены по *различным* проявлениям света. Но остается вопрос: все-таки что такое сам свет? Каков он по сущности? И тогда придётся ответить: и то, и другое. А разве это не противоречие? Возможно, бесплодность принципа дополнительности связана с недостаточной разработанностью теоретического метода осмысления подобных противоречивых ситуаций. Иными словами, не хватает именно действенного диалектического метода.

Уже Сократ и Платон обратили внимание на трудности, возникающие при попытке дать общее определение какому-то качеству. Факты начинают противоречить друг другу. «Помогать больному – добродетельно, убивать врага ради спасения отечества – добродетельно. Присваивать чужое – недобродетельно. Присваивать чужое в том случае, если в том случае, если речь идёт о родителях в отношении неразумных детей, – добродетельно. И т. д., и т. д. Можно ли из этих противоречивых фактов и поступков понять, что такое добродетель и что такое даже добродетельный поступок? Ясно, нельзя; под одним и тем же термином у нас будет крыться несколько взаимно-противоречащих понятий». (22, 310) Несмотря на «разные отношения», и разные ситуации, к которым применяется термин «добродетель», с точки зрения общего определения здесь возникает противоречивая ситуация.

Противоречие существовало бы даже в том случае, если бы мы обнаружили два факта, относящиеся к одному и тому же кругу реальности, испытывающие воздействие одних и тех же причин и условий, но противоположные по следствиям. Это противоречило бы однородности природы.

Кроме того, противоречие всё же существует в реальности, хотя бы как психологический факт. Так, например, существует такая реальность как когнитивный диссонанс. (33) Для разрешения психологических противоречий и конфликтов разрабатываются различные методики в гештальттерапии и в НЛП, и в других психологических школах. (13, 14)

К. Поппер выступает против принципа тождества бытия и мышления, ссылаясь на его идеалистическую основу. Он считает, что некоторые сторонники теории тождества пришли к ней из-за того, что абстрактные математические формулы оказались применимыми к действительному миру. Он думает, что они базируются на индуктивизме. Но он же признает, что люди, не склонные к индуктивизму «знают, что теория, первоначально выдвинутая как отвлечённое рассуждение, как чистая возможность, очень часто

впоследствии оказывается эмпирически применимой. Они знают, что нередко именно спекулятивное предвосхищение открывает путь для эмпирических теорий».(29, 545) Стоит спросить: как же возможно совпадение результатов, добытых путём чистой мысли и результатов эмпирического исследования? К. Поппер этого не объясняет. Простой случайностью этого тоже не объяснишь. Поэтому остается принять, что наше мышление и действительность, пусть не тождественны, но в чём-то родственны между собой, подобны друг другу.

Неплохо об этом сказано у Ф. Энгельса: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласовываться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления». (37, 231) И ещё: «Для греков было ясно само собой, что природа не может быть неразумной, но ещё и теперь даже самые глупые эмпирики доказывают своими рассуждениями (как бы ни были ошибочны эти последние), что они заранее убеждены в том, что природа не может быть неразумной, а разум не может противоречить природе». (37, 190)

У К. Поппера есть верные мысли, посвященные материалистической марксистской диалектике. Он правильно утверждает, что «отказавшись от своей первоначальной идеалистической основы, диалектика утрачивает всякое правдоподобие и понятность... Именно соединение диалектики и материализма кажется мне даже худшим, чем диалектический идеализм». (29, 546) Утверждение диамата, что физическая реальность развивается диалектически мало подкреплено фактами и здесь на выручку марксистам, по мнению К. Поппера, приходит «железобетонный догматизм». Диалектика настолько расплывчата и растяжима, что любое развитие можно подогнать под диалектическую схему. С данной констатацией следует согласиться, но отсюда вытекает не отказ от диалектики, а необходимость её уточнения и совершенствования. Следует отметить всё же, что *некоторые* примеры научных положений как будто соответствуют диалектическим утверждениям, и некоторые физические факты могут быть без большого искажения истолкованы диалектически. (3, 136 - 138)

Поппер рассматривает материалистическое понимание истории и присущий ему историцизм как недостаток марксизма. Но это не опровергает диалектику как таковую. Между прочим, и сам К. Поппер не избежал противоречивых утверждений. Сначала он отмечает существование антидогматической тенденции в Марксовой диалектике. (29, 548) Но затем, по его мнению, диалектика становится опорой догматизма. Марксисты стали использовать диалектику для защиты марксизма от критики: «Как правило, крити-

ков хулят за неумение понять диалектику – эту пролетарскую науку – или за предательство. Благодаря диалектике антидогматическая установка была оставлена и марксизм утвердился как догматизм, и догматизм достаточно гибкий, чтобы с помощью диалектического метода уклониться от всякой животворной критики». (29, 551) «Хуление за предательство» не имеет ничего общего с диалектикой, упрёки за непонимание какой-либо сложной теории могут иметь место, но это может касаться, например, высшей математики и т. п. Всё это имеет отдалённое отношение к *специфическому содержанию* диалектики как таковой. Сюда же относится и «предательство». предавать можно всё, что угодно. И диалектику, и метафизику, и даже критический рационализм. К Поппер не привёл ни одного конкретного примера «железобетонного догматизма» марксистской диалектики, в котором признание объективных противоречий позволило бы марксистам справиться с критикой в их адрес.

Справедливо пишет о критике марксистской диалектики К. Поппером М. А. Абрамов: «Но беда в том, что этот прогрессивный антидогматический метод никогда не был принят целиком ортодоксальными марксистами, которые употребляли диалектику в апологетических целях для защиты марксистской системы от критики. Нельзя не признать известную справедливость этого замечания. Мы не раз были свидетелями того, как в «умелых руках» диалектика, в противоположность формальной логике, приводила к желаемым результатам. Гибкий изворотливый механизм позволял нейтрализовать (в собственных глазах!) любые нападки. Наблюдение Поппера особенно верно именно тогда, когда политизация и идеологизация философии достигли насыщения в сталинском «диамате». Все сказанное вынуждает строго различать теоретический и идеологический уровни диалектики. Это условие избавления от «каменной болезни» диамата. Поппер, однако, эти уровни не различает и не фиксирует». (2, 94)

Критичность диалектики неплохо подчёркнута К. Марксом в предисловии к «Капиталу»: «В своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринёрам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна». (24, 22) История показала, что и марксизм, и его практическое порождение – советский строй тоже пали под напором диалектики действительности, тоже обнаружили свою преходящую сторону.

Можно сделать следующий общий вывод. К. Поппер не видит *специфической предметной области*, изучаемой диалектикой – области противоположностей и их взаимосвязей друг с другом. Его критика сводится к показу того, что диалектика, с од-

ной стороны, не совпадает с формальной логикой – значит, она – не логика, а, с другой стороны, к показу того, что диалектика не всегда адекватно описывает процесс действительного познания какого-либо предмета – поэтому она является, в лучшем случае, описательной наукой с ограниченными возможностями. Связь диалектики с догматизмом показана, на наш взгляд, обоснована совершенно недостаточно.

Еще большие нападки на диалектику, в частности, диалектику Гегеля, можно найти в книге К. Поппера «Открытое общество и его враги». В ней Поппер обрушивается на диалектику как врага демократии: «Я утверждаю, что гегелевская диалектика в основном была создана с целью исказить идеи 1789 г. Гегель полностью осознавал, что диалектический метод может быть использован для превращения («выверта») некоторой идеи в ее противоположность». (28, 53)

В качестве примера К. Поппер приводит рассуждение Гегеля о свободе мысли. Начав с ее утверждения, Гегель, по мнению К. Поппера, приходит к ее противоположности, поскольку утверждает право государства защищаться от неугодных ему мнений. Следует сказать, что в 270 параграфе «Философии права» Гегеля речь идёт об отношении государства к религии. Гегель возражает против того, чтобы религия стала основой государства, тем самым защищает свободу совести, он противник религиозного фанатизма. Фанатизм говорит, что для благочестивого нет закона, тем самым подрывается фундамент государства. Государство, для Гегеля, есть развертывающийся в действительный образ и организацию мира дух, истинная идея как действительная разумность. По сравнению с религией, как субъективным убеждением, государство есть знающее в форме разумности. Поэтому именно государство защищало свободу мышления и науки, тогда как их преследования совершались со стороны церкви. Гегель приводит в качестве примера Дж. Бруно и Галилея. (10, 302) Против данных соображений Гегеля вряд ли можно что-то возразить.

К. Поппер возражает против мысли Гегеля о том, что «столкнувшись с неугодными мнениями, государство должно защищать объективную истину», а это порождает фундаментальный вопрос: кто будет судьёй того, что есть, и того, чего нет, т. е. объективной истины? Гегель отвечает, что государство имеет право «на собственное понимание» того, «что следует считать объективной истиной». Этот ответ окончательно превращает свободу мысли и претензии науки на обладание своими собственными нормами в их противоположность». (28, 54) Но ведь, действительно, не может быть свобода слова безграничной. Сам К. Поппер решая парадокс свободы требовал, чтобы свобода одного не нарушала бы свободы другого. Призыв к убийству или восстанию, погрому, наверное, должен быть запрещен. Об этом писал ещё в 19 веке такой видный представитель

либерализма, как Дж. Стюарт Милль. (25) Да и сам К. Поппер вряд ли бы одобрил решение, например, свободы нацистской пропаганды.

К тому же для Гегеля государство – это образ вечной идеи, оно есть объективный дух, обладающий собственным разумом. Разумение такого надындивидуального субъекта Гегель ставит выше субъективных мнений отдельных личностей. Таким образом, здесь сказывается не диалектический взгляд на мир, а именно идеалистическая точка зрения.

Представляется, что отрицание Гегелем свободы слова и печати скорее содержится в 319 параграфе «Философии права». Он пишет: «Дефиниция свободы печати как свободы говорить и писать что угодно аналогична пониманию свободы вообще как свободы делать что угодно. Такие речи связаны с совершенно необразованным, примитивным и поверхностным представлением». (10, 355) И дальше он фактически требует ограничения такой свободы: «Субстанциальным, однако, является и остается то, что оскорбление чести индивидов вообще, клевета на правительство, на его ведомства и его чиновников, поношение их и желание вызвать к ним презрение, особенно когда это распространяется на личность князя, издевательство над законами, призыв к восстанию и т. д. – всё это преступления, проступки в их разнообразнейших степенях». (10, 356) Гегель нападает на формализм, пытающийся отстаивать свободу любого мнения. Но здесь мы не видим никакого «диалектического выверта».

Никто иной, как великий диалектик К. Маркс практически и теоретически боролся с цензурой за свободу слова и печати. Иронически высказываясь в адрес прусской цензурной инструкции он пишет: «Быть может истину следует понимать так, что истинно то, что приказывает правительство, а исследование допускается только как лишний, назойливый элемент, который, однако, по соображениям этикета не может быть полностью устранён?» (23, 8) В этих строках К. Маркс высказывает отношение к цензуре, совпадающее с мнением К. Поппера. И диалектика не мешает ему защищать свободу печати.

К. Поппер критикует Гегеля за его идею конца истории и идеализацию прусской монархии: «Согласно философии тождества, действительное в результате должно быть рационально.... А поскольку цель провидения «действительно реализована» в результатах истории, можно подозревать, что эта реализация имеет место в действительной Пруссии. Так оно и есть». (28, 59) Поппер делает следующий вывод: «Таким образом, я рассмотрел, как отталкиваясь, на первый взгляд, от прогрессивной и даже революционной точки зрения и придерживаясь того диалектического метода превращения, или диалектического выверта, который теперь уже знаком читателю, Гегель в конце концов получил удивительно консервативный результат». (28, 61)

Но ведь подобные оценки мы можем увидеть и у Ф. Энгельса, который был диалектиком. Он считает, что революционный диалектический метод у Гегеля в своём применении пришёл к очень мирному политическому выводу, но из-за необходимости следования идеалистической системе. «Человечество, которое в лице Гегеля додумалось до абсолютной идеи, должно было и в практической плоскости оказаться ушедшим вперёд так далеко, что для него уже стало возможным воплощение этой абсолютной идеи в действительность. Абсолютная идея не должна была, значит, предъявлять своим современникам слишком высокие практические политические требования. Вот почему мы в конце «Философии права» узнаём, что абсолютная идея должна осуществиться в той словесной монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так безрезультатно обещал своим подданным...». (38, 377.) Таким образом, «диалектический выверт» получился вследствие следования логике абсолютного идеализма.

Можно сделать вывод, что в антидемократических тенденциях философии Гегеля виновата не диалектика, а абсолютный идеализм Гегеля. Тем более что в данных примерах мы не наблюдаем знаменитую гегелевскую триаду «тезис – антитезис – синтез», в которой К. Поппер видит существо диалектического метода.

Что касается «выверта», то разве не о превращении в противоположность говорит народная мудрость в поговорке «крайности сходятся»? И разве сам парадокс свободы не говорит о том же? Резвее он не говорит о том, что крайняя неограниченная свобода приводит фактически к несвободе? Разве здесь не яркий пример диалектического превращения противоположностей? И другие, отмеченные К. Поппером, парадоксы имеют сходное содержание. Если Гегель и народная мудрость для К. Поппера не авторитет, то возьмём в качестве свидетеля русского писателя Ф. М. Достоевского. В его романе «Бесы» Шигалев в своей теории начал с безграничной свободы, а закончил безграничным деспотизмом. (15, 377 - 378) Так что «выверты» имеют место не только в немецкой философии, но и в русской литературе.

Надо отметить, что псевдодиалектика, или релятивизм действительно использовалась представителями антидемократических режимов для оправдания их господства. Чего стоит, например, рассуждение гитлеровцев о том, что тоталитарное государство, подчиненное принципу фюрерства, есть высшая форма демократии. Или, что мировая война есть способ борьбы за мир во всем мире. К этому же разряду можно отнести и советскую формулу об отмирании социалистического государства посредством его усиления. Так, что Дж. Оруэлл имел реальные основания приписать фантастическому тоталитарному государству будущего стремление к двоемыслию, которое выразилось в знаменитых лозунгах «Свобода – это рабство», «Мир – это война» и т. п. В конце XX века можно наблюдать подобный «стиль мышления» у некоторых представителей постмо-

дернизма. Применяя деконструкцию, и разрушая оппозиции в языке, они приходят к релятивистским высказываниям: истина – род вымысла, психическое здоровье есть своего рода невроз, мужчина есть разновидность женщины и прочее в том же духе. Но это ведь *псевдо*диалектика, а не настоящая диалектическая наука.

Можно показать, что и сам Поппер, несмотря на филиппики в адрес диалектики, не чужд диалектическому способу мышления. Так, характеризуя философию Канта, он замечает: «Спор между рационалистами и эмпиристами всесторонне обсуждался Кантом. Кант попытался создать теорию, которую диалектик (но не сам Кант) назвал бы синтезом двух противоположных точек зрения и которая, если говорить точнее, была видоизменённым эмпиризмом». (29, С.534)

Для лучшего понимания точки зрения методологического эссенциализма К. Поппер находит целесообразным сопоставить его с противоположным течением – методологическим номинализмом. (27, 64) Так он использует метод контраста – сопоставляет нечто с его противоположностью.

Характеризуя свою точку зрения, как *третью* по отношению к эссенциализму и инструментализму, К. Поппер поясняет: «Она сохраняет галилеевское убеждение в том, что ученый стремится к истинному познанию мира или отдельных его аспектов и к истинному объяснению наблюдаемых фактов. Это убеждение она соединяет с негалилеевским пониманием того, что хотя истина и является целью учёного, он никогда с уверенностью не может знать, истинны ли его достижения, и он способен с достаточной определенностью обосновать иногда лишь ложность своих теорий». (29, 194) Разве это не великолепный образчик синтеза в духе Гегеля? На протяжении нескольких страниц Поппер объясняет, что ценного и что спорного есть в двух других точках зрения. Тем самым он понимает их истинное содержание как *моменты* своей третьей синтетической точки зрения.

Примечателен анализ К. Поппером проблемы взаимоотношений между традицией и рационализмом. Он отмечает наличие традиционной вражды между рационализмом и традиционализмом. (Чем не диалектическое противоречие?) Он отмечает также, что рационалист не критично отвергающий традиционализм «сам находится в плену рационалистской традиции». (29, 209) (Чем не превращение одной противоположности в другую?) Сам Поппер стремится создать рациональную теорию традиции. (Чем не рационалистическое *снятие* традиции?) Он пишет: «Я не считаю, что мы могли бы когда-либо полностью освободиться от связи с традицией. Так называемое освобождение на самом деле есть лишь переход от одной традиции к другой. Однако мы можем освободиться от запретов (табу) традиции, и это можно сделать не только отрицая её, но даже критически принимая её». (29, 209) (Разве это не попытка диалектического синтеза?)

Таким образом, когда сам Поппер начинает размышлять об истинности противоположностей, он нередко начинает искать синтез между ними, хотя и не пользуется терминологией диалектики.

Но наибольшую близость к диалектике К. Поппер показывает там, где пытается анализировать логические трудности, возникающие при осмыслении феномена движения. Характеризуя теорию Гераклита, пытавшегося осмыслить проблему движения, Поппер пишет: «Таким образом, каждое изменение представляет собой переход вещи в нечто иное, обладающее какими-то противоположными качествами (как считали Анаксимандр и Анаксимен). Тем не менее, изменяясь, изменяющаяся вещь должна оставаться тождественной сама себе». (29, 247) Попытка решить эту проблему приводит Гераклита, по мысли К. Поппера, к идее тождества противоположностей.

А вот, что пишет, о процессе изменения такой диалектик как А. Ф. Лосев. По его мнению, греческая натурфилософия твёрдо стояла на почве чувственных ощущений и фиксировала факт превращения противоположных элементов друг в друга. «Но наступает время, когда возникает страшный, неустранимый и непреодолимый вопрос: «почему?» Почему одно превращается в другое? Для мысли и для понятия с самого начала ясно, что если А и В решительно и ровно ни в каком отношении не имеют ничего общего, то и превратиться одно в другое они никак не могут. Превращаться одно в другое они могут только в том единственном случае, когда у них есть нечто общее и когда можно сказать, что же именно превращается здесь в другое. А для этого «что» необходимо, чтобы А было именно А, но никак не В, ибо тогда и превращаться будет нечему и не во что, и необходимо, чтобы В было именно В, но ни в коем случае и ни в каком отношении не А. А так как для превращения А в В должно существовать не только их различие, но также и их тождество, т. е. так как должен существовать какой-то единый для них субстрат, то ясно, что здесь мы волей-неволей наталкиваемся на диалектику тождества и различия, возникающую в тот самый момент, как только мы отошли от непосредственного и наивного чувственного ощущения». (21, 420)

Как видим, осознание сути проблемы изменения у К. Поппера вполне диалектическое. Он, правда, не делает следующего шага. Он отказывается признать, что именно теоретическое осмысление реальных феноменов, фактов, в частности, осмысление проблемы движения приводит к диалектическому способу мышления. Диалектика не блажь, не выдумка, не выверт, она имеет корни в реальности и её теоретическом осмыслении. Гегель указывает на Зенона Элейского как первооткрывателя объективный противоречий. «В этом состоит диалектика Зенона; он осознал определения, содержащиеся в наших представлениях о пространстве и времени, и обнаружил заключающиеся в них про-

творечия; кантовские антиномии представляют собой не больше того, что здесь уже сделал Зенон». (8, 285)

Если брать движение, то следует отметить, что Гегель называл движение налично сущим противоречием. «Но двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нём, - следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение». (8, 282) Вот оно, искомое К. Поппером реальное противоречие, которое не совпадает с логическим.

Подобные реальные противоречия имеют место и в социальной реальности, на что К. Попперу указал Т. Адорно: «Противоречие между субъектом и объектом не должно быть просто «видимостью», как то по меньшей мере подразумевает Поппер, где вся вина лежит на недостаточной способности суждения у субъекта. Скорее, противоречие это в высшей степени реальное, имеет место в самом предмете - его не устранить из реального мира приумноженным познанием или более ясными формулировками. Старейшей социологической моделью такого противоречия является, с необходимостью развертывающегося в самих вещах, является знаменитый параграф 243 гегелевской «Философии права»: «Посредством обобщения взаимосвязей между людьми через их потребности и способов, подготавливающих и привносящих средства их удовлетворения, приумножается накопление богатств, что из данной удвоенной всеобщности проистекает величайшая прибыль для одной стороны – так же как, для другой стороны, обособление и ограниченность частного труда, а тем самым зависимость и нужда привязанного к этой работе класса». (1, 78)

К. Поппер отмечает феномен, который называет «амбивалентностью социальных учреждений»: « в определенных обстоятельствах социальное учреждение способно функционировать прямо противоположным образом по отношению к своим очевидным или «подлинным» функциям. (29, 229) Эту амбивалентность, согласно Попперу можно только уменьшить, но устранить невозможно. Таким образом, он признает как необходимый факт наличие противоречия между назначением учреждений и реальным их функционированием. Разве это противоречие не реально?

Т. Адорно отмечает реальную противоречивость либерального общества: «Когда социальная наука – тут я пока еще ничего не говорю о её содержании – с одной стороны, держится понятия либерального общества как общества свободы и равенства, а с другой стороны, принципиально оспаривает истинность содержания этой категории либерализма (в силу неравенства между людьми, детерминированного социальной властью), то речь идёт не о логическом противоречии, от которого можно освободиться с помощью корректур в дефинициях, эмпирических разграничений, дифференциаций исходных оп-

ределений, а о структурной заданности общества как такового». (1, 82) Де-факто К. Поппер признает объективное существование противоречий либерального общества.

К. Поппер обладает несомненной чувствительностью к парадоксам – к тем соотношениям мыслей, которые характеризуются внутренней противоречивостью. Примечательно, что эти противоречия он относит в разряд реальных, действительно имеющих место. Он отмечает парадоксы свободы, демократии, терпимости, релятивизма. (27, 329 – 330) Особенное значение он уделяет парадоксу свободы, ибо свобода – высшая ценность для либерала. Он признает, что этот парадокс отмечал еще столь нелюбимый им Платон. (27, 163 – 164, 329) Сам Поппер формулирует данный парадокс вполне диалектически: «неограниченная свобода ведёт к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании сильных над слабыми». (28, 56)

Поппер полагает, что данный парадокс был решён ещё Кантом, «который требовал, чтобы свобода каждого человека была ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной степени свободы для всех». (28, 56) Примечательно, что он не упоминает о решении Т. Гоббса, видимо, оно недостаточно либерально для Поппера. Соглашаясь с К. Марксом, что безграничная свобода опять-таки на практике ведёт к отсутствию реальной свободы у неимущей части общества, К. Поппер предлагает даже государственное вмешательство в экономику для того, чтобы защитить свободу этой части общества. (28, 145 – 146)

Таким образом, де-факто К. Поппер признает наличие проблем, носящих диалектический характер в самом сердце либерализма – в его понимании свободы. Разве эти, отмеченные самим К. Поппером парадоксы не являются реальными проблемами? Разве можно назвать их просто вывертами или логическими ошибками? Ответ, очевиден.

Следует констатировать, что связь противоположностей есть особая реальность нашего мира, подмечаемая не только диалектиками, но и противниками диалектики, нередко в противоречии с сознательно исповедуемыми ими взглядами. И Диалектика могла бы сказать К. Попперу: «Мой милый, от меня не уйдёшь!»

К. Поппер знаменит прежде всего своими работами по философии науки. Проблемы достижения истины, роста научного знания, взаимоотношений теории и факта являются для него центральными. Можно показать, что и эта проблематика имеет отношение к диалектике.

Э. М. Чудинов в своей книге «Природа научной истины» находит нужным сказать о «диалектике истины и заблуждения в теории правдоподобия К. Поппера». По его мнению, в своей концепции правдоподобия К. Поппер сделал попытку подойти к понятию относительной истины. «Но эта попытка, как нам представляется, не увенчалась ус-

пехом вследствие метафизических установок Поппера и его негативного отношения к диалектике». (34, 304) Э. М. Чудинов считает главным недостатком Попперовской теории отождествление истины и абсолютной истины. Из-за этого правдоподобие лишается элементов истинности и оказывается трансцендентным по отношению к истине. Если же трактовать правдоподобие как смесь истинных и ложных высказываний, тогда теория становится либо внутренне противоречивой, либо же вступает в противоречие с фактами. Тогда как можно вести речь о *правдоподобии* теории? Таким образом, диалектика мстит за пренебрежение ею.

Когда Поппер пишет о противоречии между теорией и фактами, он делает примечательное пояснение, что, если сказать точнее, это противоречие между теорией и определёнными *утверждениями* о фактах. (29, 521) Конечно, если свести противоречие теории и факта к противоречию суждений, то это противоречие окажется *чисто логическим*. Но вопрос в том, есть ли теория и факт просто суждения? Теория – это, по меньшей мере, система суждений, обладающая внутренней целостностью и интегрированностью. В философии науки уже давно известен тезис Дюгэма-Куайна: Он утверждает, что в опыте не может проверяться отдельное предложение, а только система взаимосвязанных предложений, утверждений, например, целая теория. Соответственно, и противоречие между теорией и фактом не может быть сведено к противоречию двух суждений. И сам факт не сводится к суждению о нём. Да и отношения между теориями более сложны, чем просто логическое противоречие. Г. Райл отмечает: «Существуют разного рода конфликты между теориями. Один всем знакомый тип конфликтов – когда два или несколько теоретиков предлагают соперничающие решения одной и той же проблемы. В простейших случаях их решения соперничают в том смысле, что если одно из них истинно, то другие ложны. Разумеется, чаще положение дел достаточно запутанно – каждое из предлагаемых решений частью верно, частью неверно, а частью просто неполно или туманно... Часто возникают споры между теориями (или, в более общей форме, между подходами), которые представляют собой не соперничающие решения одной и той же проблемы, а скорее решения или заявки на решение разных проблем, - и тем не менее кажутся несовместимыми друг с другом». (30, 113)

К. Поппер признает противоречие движущей силой познания, но только в том смысле, что стремление к истине должно устранить найденные противоречия. Однако, следует отметить, что противоречие факта и теории не просто разрешается устранением найденного логического противоречия. Оно возобновляется в новом виде, пусть между новым фактом и новой версией теории об одном и том же объекте. Теория стремится приспособиться к фактам, ориентируясь, согласно А. Эйнштейну, на предустановленную гармонию теории и факта. Но и сам факт зависит от теории. Сам К. Поппер много гово-

рит о теоретической нагрузке на факт. Таким образом, противоположность и противоречие теории и факта по мере роста знания воспроизводится, хотя и в новой форме. Здесь мы наблюдаем аналогию с противоречием движения, по Гегелю. Оно разрешается и снова возобновляется. И логическое противоречие в данном случае есть только момент более широкого познавательного противоречия.

Если с противоречием факта и теории поступают иначе, чем с обычным логическим противоречием, то это не просто логическое противоречие. Б. П. Вышеславцев различает логическое и реальное противоречие таким образом: «Первое решается совсем иначе, чем второе: логическое противоречие разрешается тем, что противоположности исключают друг друга *сразу и мгновенно*, без всякой борьбы; борьбы здесь нет потому, что если одна существует, то другая просто не существует; если земля вращается вокруг солнца, то противоположное исключено и не существует: вращения солнца вокруг земли просто не существует. Никакой борьбы двух направлений вращения не существует. При реальном противоречии, напротив, стороны вытесняют друг друга постепенно, существует борьба, антагонизм, в котором обе стороны реально присутствуют, и здесь возможно как разрушение и гибель, так и нахождение нового синтеза и гармонии». (7, 27-28) В случае с теорией и фактами мы имеем дело с длительным процессом взаимного приспособления.

В этой связи можно сослаться на И. Лакатоса, который хорошо показал, как реально решаются противоречия теории и факта. В противовес наивному фальсификационизму, он продемонстрировал, что это процесс постепенный, связанный с переосмыслением самих фактов и изменением самой теории в рамках исследовательской программы. (20) Т. Кун и П. Фейерабенд ещё дальше отошли от наивного фальсификационизма.

Итак, даже в самом сердце Попперовских интересов можно обнаружить моменты диалектики.

В итоге мы вынуждены констатировать диалектику самого К. Поппера. На словах он противник диалектики, но бессознательно тянется к ней, хотя и непоследовательно, и не отдавая себе в этом отчёта. Сознательно К. Поппер отрицает диалектику, бессознательно же следует ей. Кто же такой Карл Поппер? Не что иное как воплощённое, живое, действительное противоречие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. К логике социальных наук// Вопросы философии. - № 10. - 1992.

2. Абрамов М.А.- Догмы и поиск (сто лет дискуссий о диалектике в английской философии). - М., 1994.
3. Бакрадзе К. С. Проблема диалектики в немецком идеализме// Бакрадзе К. С. Избранные философские труды, т. I. – Тбилиси,1981.
4. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. – М.,1962.
5. Васильев Н.И. Воображаемая логика. Избранные труды. - М., 1989.
6. Вольф М. К вопросу о гегелевском учении о противоречии// Философия Гегеля: проблемы диалектики. – М.,1987.
7. Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма// Вышеславцев Б. П. Сочинения. – М.,1995.
8. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – Спб.,2001.
9. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. - Т.1. – М.,1970.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.,1990.
11. Гегель Энциклопедия философских наук. – Т. 1. – Наука логики. - М.,1975.
12. Гегель Энциклопедия философских наук. – Т.2. Философия природы. - М.,1975.
13. Гештальттерапия. Теория и практика. – М.,2000.
14. Дилтс Р. Стратегии гениев. – Т.3 Зигмунд Фрейд, Леонардо да Винчи, Никола Тесла. – М.,1998.
15. Достоевский Ф. Бесы: роман. – М.,1990.
16. Ивин А.А. Логика. Учебник для гуманитарных факультетов. – М.,2002.
17. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. В двух томах. – СПб.,1994.
18. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. – М.,1972.
19. Кропотков Д. Критика статьи К. Поппера «О диалектике»// Альманах «Восток». – 2004. - Выпуск 12.
20. Лакатос И. Методология исследовательских программ. – М.,2003.
21. Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). – М.,1963.
22. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.,1993.
23. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции// Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 1. – М.,1955. – С.3 – 27.
24. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1. – М.,1973.
25. Милль Д. С. О свободе. – СПб.,1906.
26. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. - М.,1985.

27. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. – Т.1. – Чары Платона. – М.,1992.
28. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. – Т. 2. - Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.,1992.
29. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.,2004.
30. Райл Г. Дилеммы//Вопросы философии – 1996. - № 6.
31. Соловьёв В. С. Статьи из энциклопедического словаря. Гегель// Соловьёв В. С. Сочинения в двух томах. – Т. 2. – М.,1988.
32. Фейербах Л. К критике философии Гегеля// Фейербах Л. Избранные философские произведения. – Т. 1. – М.,1955.
33. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб.,1999.
34. Чудинов Э. М. Природа научной истины. – М.,1977.
35. Шеллинг Ф. В. Й. О мировой душе// Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. - Т.1.
36. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.,1983.
37. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.,1987.
38. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии// Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трёх томах. – Т.3. – М.,1985.